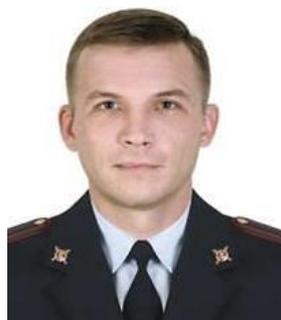
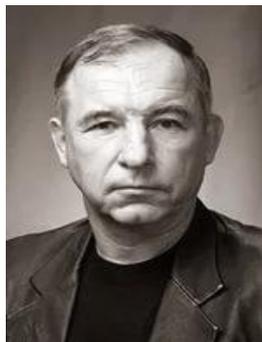


УДК 316.7

DOI 10.23683/2227-8656.2017.3.20



**ИНДИВИДУАЛИЗМ
И МОДАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ
СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹**

**INDIVIDUALISM
AND MODAL PATTERNS
OF SOCIAL BEHAVIOR
IN RUSSIAN SOCIETY**

Лубский Анатолий Владимирович

Доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: avlubsky@gmail.com

Anatoly V. Lubsky

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: avlubsky@gmail.com

Лубский Роман Анатольевич

Доктор философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: roma-thebest@mail.ru

Roman A. Lubsky

Doctor of Philosophical Sciences, Associate
Professor, Leading researcher,
Southern Federal University
Rostov-on-Don,
e-mail: roma-thebest@mail.ru

Войтенко Валерия Петровна

Кандидат философских наук,
старший преподаватель,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону
e-mail: leravvp@mail.ru

Valeria P. Voytenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Lecturer,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: leravvp@mail.ru

В статье рассматриваются западный и российский типы индивидуализма, а также различные модальные индивидуалистические модели поведения в современном российском обществе. Авторы приходят к выводу о том, что в современном российском обществе либеральной модели индивидуалисти-

The article discusses Western and Russian types of individualism, as well as various modal individualistic patterns of behavior in contemporary Russian society. The authors come to the conclusion that in modern Russian society the liberal individualistic model of conduct adheres to a small number of Rus-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

ческого поведения придерживается незначительное число россиян. В результате модернизационных преобразований в России и консервативной волны, захлестнувшей российское общество на рубеже веков, доминирующими в нем стали либерально-государственническая и государственно-либеральная модели социального поведения, в которых, соответственно, реализация ценностей индивидуализма связывается с сильной российской государственностью, а этатистско-патерналистские ценности российского консерватизма уживаются с некоторыми ценностями российского и западного типов индивидуализма.

Ключевые слова: индивидуализм, российский тип индивидуализма, западный тип индивидуализма, социальное поведение, ментальные программы социального поведения, модальные модели индивидуалистического поведения.

sians. In the result of modernization reforms in Russia and conservative wave that swept the Russian society at the turn of the century, liberal-statist and statist-liberal model of social behavior became dominant, in which the realization of the individualism values is associated with a strong Russian state, and statist-paternalistic values of Russian conservatism «coexist» with some values of the Russian and the Western types of individualism.

Keywords: individualism, Russian type of individualism, Western type of individualism, social behavior, mental programs of social behavior, modal models of individualistic behavior.

Введение

В научном дискурсе выделяют два идеальных типа общественно-го устройства, основанных, соответственно, на индивидуализме или коллективизме. Российское общество по своей природе является государственно-организованным, поэтому в нем сформировался особый тип нормативной личности, для которой характерна коллективистская модель социального поведения [1]. В связи с этим некоторые исследователи считают, что «в России не было Ренессанса с его всплесками гуманизма, точно так же как и не было самого гуманизма в европейском смысле слова, то есть установки, рационально и морально ориентированной на человека как на уникальную сущность, носителя высшего индивидуального духовного начала. Личность и индивидуализм никогда не представляли в русском культурном архетипе самооценности. Индивидуальная свобода и личная правда вытесняются им на периферию общественной жизни, в маргинальное состояние “лишнего человека”, “босяка”, “диссидента“» [20, с. 273].

Вместе с тем в российском обществе в условиях очередного витка его модернизации перманентно усиливаются либеральные ценности и установки, характерные для западного типа индивидуализма. Кроме того, в российском обществе в рамках органического его развития сформировался особый тип индивидуализма. Изучение западного и российского типов индивидуализма и индивидуалистических моделей

социального поведения позволяет лучше понять и объяснить стили жизни и практики повседневной жизнедеятельности людей в современном российском обществе.

Индивидуализм в российском обществе как предмет дискурсивных практик

Национальная специфика индивидуализма в российском обществе становится предметом когнитивного интереса в рамках противопоставления религиозного индивидуализма в России светскому индивидуализму на Западе. При этом особенности российского индивидуализма связывались с соборной свободой православного христианина [2, с. 114–115], симфонической личностью [3], иерархическим персонализмом [4, с. 528–529] или персоналистским солидаризмом [5, с. 246–247].

Во второй половине XX в. в научно-исследовательских практиках большое внимание стали уделять сравнительному изучению индивидуализма в разных странах, в том числе и в России. При этом одни исследователи под индивидуализмом понимали предпочтение людей заботиться только о себе и собственных семьях, приверженность личной независимости и самореализации [6]. Другие связывали индивидуализм с господством интересов личности над интересами группы [7]; приверженностью секулярно-рациональным ценностям, а также ценностям свободы и самовыражения [8, с. 79–90]; расчетом на себя, отдаленностью от группы, предпочтением индивидуальных, а не коллективных действий [9]. Разные представления об индивидуализме и методики проведения эмпирических исследований привели к различным результатам относительно уровня распространения индивидуализма в российском обществе. Так, данные, полученные Г. Хофстеде, свидетельствуют о «промежуточном» состоянии России, где уровень индивидуализма ниже, чем на Западе, но выше, чем на Востоке [6]. Согласно результатам, полученным Ф. Тромпенаарсом, в России, как и в странах Запада, наблюдается достаточно высокий уровень индивидуализма, особенно в российской деловой сфере, а также в мегаполисах [7]. Результаты, полученные Р. Инглхартом и К. Вельцелем, Р. Хоузом и П. Хингесом, показывают низкий уровень индивидуализма в России, характерный для восточных стран [8, 9].

Российские исследователи, используя методику Г. Хофстеде, пришли к выводу о синкретизе ценностей коллективизма и индивидуализма в российском обществе [10, 11]. В связи с этим некоторые исследователи считают ошибочным мнение о том, что «коллективизм – врожденная российская особенность» [12, с. 2–3]. У русских есть дру-

гая особенность – инстинкт индивидуализма, т. е. предрасположенность делать все самому и иметь собственное мнение [13].

Таким образом, в современном научном дискурсе существуют различные представления о характере и уровне индивидуализма в российском обществе. При этом исследователи не различают западный и российский типы индивидуализма и не выделяют модальные модели индивидуалистического поведения в российском обществе.

Западный и российский типы индивидуализма

В рамках многомерного методологического конструкта индивидуализм может рассматриваться, наряду с коллективизмом, как особый стиль жизни, структуру которого составляют стиль мышления и стиль повседневной жизнедеятельности. Стиль мышления как способ организации познавательной деятельности может быть аналитическим, связанным с разделением целого на части, и синкретическим, представляющим собой целостное, образно-метафорическое познание окружающего мира [14]. Стиль повседневной жизнедеятельности – это способ организации повседневной активности человека, формирующийся под влиянием парадигмы, лежащей в основе того или иного стиля мышления. В связи с этим можно выделить целерациональный стиль повседневной жизнедеятельности, основанный на аналитическом стиле мышления, и ценностно-рациональный стиль повседневной жизнедеятельности, основу которого составляет синкретический стиль мышления. Характерной чертой целерационального стиля повседневной жизнедеятельности является стремление личности к саморазвитию и самосовершенствованию, а также к конкретному результату социальных действий. Ценностно-рациональному стилю повседневной жизнедеятельности присуща высокая значимость человеческих отношений, побуждающая личность жертвовать своими целями и желаниями в пользу общественных.

В качестве индикаторов индивидуализма можно выделить, во-первых, интенцию «быть иным»; во-вторых, свободу; в-третьих, опору на себя и собственные силы [15]. Интенция «быть иным» представляет собой стремление индивида к индивидуально-пространственному и индивидуально-временному многообразию. Характерными чертами личности, которой движет интенция «быть иным», являются активность, интенсивность, инициативность, ощущение свободы и ответственности, а также стремление привести окружающую действительность в порядок с помощью своей преобразующей силы [16].

Для анализа свободы как признака индивидуализма были использованы методологические идеи И. Берлина, предложившего ее две

концепции: позитивную свободу, или «свободу для...», и негативную свободу, или «свободу от...» [17]. Позитивная свобода, или «свобода для...» – это концепция свободы, характеризующаяся желанием индивида самостоятельно, без вмешательства внешних факторов реализовывать свой внутренний потенциал и определять свою судьбу с учетом имеющихся у него возможностей и ресурсов. Негативная свобода, или «свобода от...» – это концепция свободы, характеризующаяся восприятием индивидом действительности как совокупности ограничений, препятствующих ему в намерении осуществить осознанные желания.

Российское общество по своей природе является государственно-организованным, в рамках которого сформировался особый тип нормативной личности (*Homo politicus*), склонной перемещать решение социальных проблем, в том числе и частных в политическую сферу. Этатистско-патерналистские представления, ценности и установки в ментальной программе этого типа личности, носящие нерелексивный характер, определяют антиличностную модель нормативного поведения в российском обществе [18]. В связи с этим индивидуализм в России возможен только на рефлексивном уровне ментальных программ, определяющих различные модальные модели индивидуалистического поведения.

В современном российском обществе можно выделить два типа индивидуализма – органический российский и привносимый извне западный, общими основаниями которых выступают интенция «быть иным», а также опора на себя и собственные силы. В свою очередь, стиль мышления, стиль повседневной жизнедеятельности, а также своеобразное понимание свободы определяют особенности и специфические черты российского и западного типов индивидуализма. Особенности западного типа индивидуализма как особого стиля жизни выступают аналитический стиль мышления и целерациональный стиль повседневной жизнедеятельности. Специфические особенности западного типа индивидуализма позволяют выделить в его рамках активистский, эгоцентристский и дауншифтерский виды, ментальные программы которых определяют соответствующие модальные модели индивидуалистического поведения.

Субъектом активистского индивидуализма выступает деятель-экстраверт, социальный преобразователь. Специфическими чертами активистского индивидуализма являются позитивное понимание свободы как свободы для творческой социальной активности и преобразовательной деятельности во всех сферах общественной жизни, а также толерантность к иным стилям жизни, взглядам и ценностям, жела-

ние и способность заимствовать «чужое» с целью дальнейшего преобразования. Субъектом эгоцентристского индивидуализма является актер-интроверт, потребитель. Специфическими чертами эгоцентристского индивидуализма выступают негативное понимание свободы как свободы от социальных обязательств, навязанных обществом, эгоцентризм [19], консюмеризм как зависимость от актов потребления, а также неприязнь (интолерантность) к иным стилям жизни, взглядам и ценностям. Субъектом дауншифтерского индивидуализма выступает деятель-интроверт. Специфическими чертами дауншифтерского индивидуализма выступают негативное понимание свободы как свободы от идеалов и ценностей общества потребления и консюмеризма, пассивность, безразличное отношение к иным стилям жизни, взглядам и ценностям, желание жить в свое удовольствие.

Российский тип индивидуализма, в отличие от западного, характеризуется синкретическим стилем мышления и ценностно-рациональным стилем повседневной жизнедеятельности. Специфические особенности российского индивидуализма позволяют выделить в его рамках диссидентский, пустынный и интеллигентский виды. Ментальные программы этих видов обуславливают соответствующие модальные модели индивидуалистического поведения в российском обществе.

Субъектом диссидентского индивидуализма выступает деятель-экстраверт, социальный критик. Специфическими чертами диссидентского индивидуализма выступают позитивная свобода как свобода для выражения протеста и критики господствующих в обществе ценностей и норм или государственного строя в целом, а также ригоризм. Данный российский вид индивидуализма берет свое начало в древнерусской традиции юродства. Юродивыми на Руси были душевно здоровые и интеллектуально образованные люди, которые выражали свой протест («ругались миру») с помощью различных форм демонстративного поведения, не обращая внимания на общественные нормы и приличия [20]. С юродством тесно связаны такие явления, как диссидентство в СССР, а также различного рода протестные движения в современной России, сопряженные с деятельностью оппозиционных организаций, направленной на критику правящего режима.

Субъектом пустынного индивидуализма выступает деятель-интроверт. Специфическими чертами пустынного индивидуализма выступают негативное понимание свободы как свободы от социальных обязательств, ригоризм, стремление личности к духовному самосовершенствованию путем отказа от социальных связей. Данный вид российского индивидуализма связан с духовной традицией рели-

гиозного нестяжательства, предполагавшей разрыв социальных отношений с оставшимися в миру. В этом плане пустынный индивидуализм в российском обществе аналогичен такому его западному виду, как дауншифтинг.

Субъектом интеллигентского индивидуализма является деятель-экстраверт, социальный слуга. Специфическими чертами интеллигентского индивидуализма являются позитивная свобода, или свобода для самореализации в деле служения народу, а также ригоризм. Данный вид российского индивидуализма связан с таким феноменом, как российская интеллигенция, характерной чертой которой было социальное мессианство, направленное на освобождение народа в дореволюционной России. В современном российском обществе этот вид индивидуализма находит выражение в служении Отечеству, а не государству.

Индивидуалистические модели социального поведения в российском обществе

Социальное поведение является предметом изучения целого ряда научных дисциплин в рамках различных парадигмальных оснований. Это порождает дисциплинарную фрагментарность и парадигмальную ограниченность научного знания о социальном поведении людей. Стремление к холистскому изучению социального поведения как целостной социальной реальности предполагает переход от одномерных ее интерпретаций к многомерным. Такой переход возможен на основе создания многомерного методологического конструкта в рамках междисциплинарных исследований, связанных с постановкой и решением научных задач, лежащих на пересечении предметных полей различных научных дисциплин [21, 22].

В рамках такого конструкта социальное поведение рассматривается как реакция людей на социальную ситуацию в виде осознанных или неосознанных социальных действий, репертуар и характер которых определяются рефлексивными или нерефлексивными структурами их ментальных программ, носящих когнитивный, аксиологический и конативный характер. Когнитивные структуры ментальных программ как представления выполняют функцию познавательного мотива социального поведения, аксиологические структуры как предпочтения выполняют функцию его ценностного мотива, конативные структуры ментальных программ как установки реагирования на социальную ситуацию определенным образом непосредственно определяют социальное поведение.

В ментальных программах в зависимости от социальной ситуации могут активизироваться как нерефлексивные, так и рефлексивные

структуры, что сказывается на интерпретациях акторами этой ситуации и их социальном поведении, которое, соответственно, может носить как осознанный, так и неосознанный характер. Социальное поведение как совокупность неосознанных действий можно отнести к нормативному типу, зависящему от общепринятых культурных ценностей и норм, а социальное поведение как совокупность осознанных действий – к модальному типу, статистически наиболее распространенному в обществе. В связи с этим модель социального поведения – это когнитивный аналог практик социального поведения как ответной реакции человека на социальную ситуацию в виде определенных социальных действий, обусловленных ментальной программой.

В современном российском обществе, с одной стороны, существуют модальные модели поведения западного и российского типов индивидуализма, а с другой – сложились гибридные модели социального поведения, в которых переплетаются черты обоих этих типов. При этом следует отметить, что не более 10 % россиян демонстрируют приверженность ценностям и установкам, характерным для либеральной модели индивидуалистического поведения западного типа. В ментальных программах этой модели базовыми ценностями в экономической сфере выступают частная собственность, рыночные отношения, в социальной сфере – приоритет человека, толерантность, в политической и правовой сферах – права и свободы человека и гражданина, демократический политический режим, правовое государство, а также участие в политической жизни страны, в духовной сфере – свобода как возможность индивидуального и ответственного выбора. Основная часть представителей этой модели социального поведения являются последователями западного активистского индивидуализма.

К этой модели социального поведения можно отнести также российских дауншифтеров, причинами роста которых являются, с одной стороны, бегство от трудностей, связанных с карьерой, административными и криминальными препонами в ведении бизнеса, стремление избежать профессионального стресса, с другой – следование моде как форме демонстрации своей индивидуальности и оригинальности. Кроме того, дауншифтинг в России, как отмечают исследователи, приобрел национальную специфику: российский дауншифтер убегает не от хорошего, а к хорошему, и поэтому большинство россиян воспринимают дауншифтинг как переезд в другую страну или сдачу в аренду квартиру для получения средств к существованию [23]. Число же дауншифтеров, стремящихся к покою и воле, желающих жить для себя,

ради собственных целей, отказываясь от идеалов потребительского потребления, значительно меньше, чем в странах Запада.

В российском обществе значительно больше сторонников гибридной – либерально-государственной – модели социального поведения, в ментальной программе которой развитие российского общества связывается с укреплением государственной власти в качестве основного рычага экономической либерализации и интеграции общества сверху на стабильной основе, а его будущее – с сильной правовой государственностью, обеспечивающей принципы личной свободы. Сторонники этой модели социального поведения, с одной стороны, отдают приоритет рыночной экономике, закону и соблюдению прав человека, а с другой – готовы отказаться от свободы слова, если государство будет гарантировать им нормальную зарплату и приличную пенсию, и считают, что не способны оказывать какое-либо влияние на политическую и экономическую жизнь страны. В современном российском обществе представителей этой модели – около 25 %. Основная часть из них придерживается ценностей и установок индивидуализма, представляющего собой микс из активистского индивидуализма западного толка и идей об особой роли государства во всех сферах общественной жизни России.

Основная масса россиян (55 %) придерживается государственно-либеральной модели социального поведения, представители которой, с одной стороны, поддерживают существующую государственную власть и полагают, что стране необходима твердая рука, способная навести в обществе порядок, Россия должна быть великой державой, а с другой – считают, что России нужна демократия, не все крупные предприятия в стране должны принадлежать государству, деятельность предпринимателей приносит обществу пользу. Остальные россияне придерживаются консервативной, или государственно-консервативной, модели социального поведения, в ментальной программе которой базовыми ценностями являются государственная собственность, а также государство, которое должно заботиться о людях.

Распространение в современном российском обществе различных модальных моделей социального поведения связано с модернизационными процессами в нем. Так, в рамках осмысления российских реформ последних десятилетий в аспекте динамики массового сознания и трансформации моделей социального поведения российские социологи выделяют два периода. Первый период (1990-е) характеризуется увлечением россиян западным опытом, который сопровождался настойчивыми попытками переноса на российскую почву различных

образцов и моделей зарубежного происхождения. Правомерность российской специфики при этом нередко ставилась под сомнение, а то и вовсе отвергалась как нечто ретроградное. Это был период формирования в российском обществе индивидуалистических моделей социального поведения западного типа. Второй период, начавшийся в конце 1990-х гг., характеризуется тем, что в результате реакции на односторонность увлечений западным опытом стала формироваться консервативная волна, в значительной мере определившая, как отмечают исследователи, состояние массовых умонастроений россиян на рубеже столетий. «Главной доминантой консервативной волны стало возвращение от западных увлечений периода становления демократии к “исконно российским” представлениям, нравственным устоям и образу жизни» [24, с. 460].

Доминирование в современном обществе гибридных модели социального поведения обусловлено тем, что, с одной стороны, в результате информационного воздействия и жизненного опыта, приобретенного россиянами в ходе реформ, в их ментальные программы социального поведения прочно вошли понятия и ценности рыночной экономики и демократии, укрепился целерациональный стиль повседневной жизнедеятельности россиян. С другой стороны, в результате консервативной волны, связанной с разочарованиями россиян в результатах реформ и несбывшимися социальными надеждами в их ментальных программах, активизировались рефлексивные структуры, обуславливающие ценностно-рациональный стиль их повседневной жизнедеятельности. Это нашло отражение, в частности, в мечтах россиян, в которых доминирует достаточно специфический образ будущего России, базирующийся, с одной стороны, на представлениях о правах человека и свободе самовыражения, с другой – на образе России как сильного государства, заботящегося о своих гражданах и обеспечивающего равные для всех права в контексте социальной справедливости.

Результаты исследований Института социологии РАН и «Левада-центра» показывают, что резкий всплеск западных индивидуалистических ценностей в российском обществе наблюдался в середине 1990-х гг., а в конце XX – начале XXI в. наблюдалась постепенная утрата интереса россиян к либеральным ценностям индивидуализма. Так, если в 1995 г. 53 % респондентов, по данным «Левада-центра», считали, что «выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все» [25], то в 2015 г. число таковых сократилось до 41 %. Если в 2001 г. 47 % респондентов считали, что «главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если

оказываешься в меньшинстве», то в 2011 г. их число снизилось до 42 % [26]. Однако в 2014 г. их численность вновь возросла до 56 % [25]. Это было обусловлено прежде всего разочарованиями россиян в социально-патерналистских возможностях Российского государства в условиях кризиса.

За последнее десятилетие изменилось отношение россиян к частной собственности. Так, в 2005 г., по данным Института социологии РАН, 52 % опрошенных оценивали частную собственность в России как положительное явление, в 2011 г. положительную оценку сохранили только 35 % респондентов [27]. К сторонникам рыночной экономики в 2001 г. относили себя 7 % россиян. В 2011 г. этот показатель снизился до 5 %, а в 2014 г. возрос до 8 % [27]. В 1994 г. 13 % россиян выступили за минимальное вмешательство государства в российскую экономику, предоставляя максимальную свободу частной инициативе, в 2011 г. таких россиян было 9 %, а в 2014 г. их вновь стало 13 % [27]. Несколько иные результаты, но вполне сопоставимые с данными Института социологии РАН, были получены «Левада-центром». Согласно этим результатам, в 1994 г. 32 % россиян выступали за экономическую систему, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения, а в 2016 г. этот процент упал до 26 [28].

По данным Института социологии РАН, полную независимость социальной сферы от государства поддерживают только 2–3 % россиян; более 50 % считают, что государство должно обеспечивать всем гражданам определенный социальный минимум; 41 % полагает, что государство должно обеспечивать в обществе полное социальное равенство [24, с. 160]. В дилемме «общество индивидуальной свободы или общество социального равенства» россияне предпочитают общество социального равенства. При этом число его сторонников возросло с 67 % в 1998 г. до 73 в 2011 г. [27]. Численность россиян, считающих, что люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство, сократилось с 7 % в 1996 г. до 4 в 2014 г. [24, с. 230]. Согласно результатам, полученным «Левада-центром», в 1990 г. 25 % респондентов в России полагали, что должны самостоятельно проявлять инициативу и заботиться о себе [26]. В 2016 г. только 7 % граждан заявили, что государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан, а 49 % респондентов выступили за то, чтобы государство заботилось обо всех своих гражданах в равной степени, обеспечивая им достойный уровень жизни [26].

Говоря о политической сфере, следует привести следующие данные. Так, результаты исследования Института социологии РАН показывают, что доля согласных с суждением «демократические процедуры очень важны для организации в обществе нормальной жизни, без них не обойтись» упала с 51 % в 2001 г. до 44 в 2014 г. [29, с. 138]. Результаты исследований «Левада-центра» свидетельствуют о том, что в 1996 г. 28 % россиян были убеждены в необходимости в России демократии по образцу западных стран, а в 2014 г. этот показатель упал до 21 % [30].

Переходя к духовной сфере, следует отметить, что, по данным Института социологии РАН, доля россиян, согласных с тезисом «свобода – это то, без чего жизнь теряет смысл», снизилась с 71 % в 1995 г. до 64 в 2011 г. [29, с. 147]. По данным «Левада-центра», в 1990 г. 38 % респондентов полагали, что имеют слишком мало свободы, в 2013 г. доля россиян, соглашающихся с данным тезисом, упала до 15 %. В 2016 г. самыми непопулярными ответами на вопрос «Что для Вас важно?» стали ответы «свобода» и «демократия», при этом 54 % граждан выступили за «стабилизацию политической и экономической ситуации в стране» [31].

Заключение

Индивидуалистические модели социального поведения существуют не только в антропоцентристских обществах на Западе, но и в государственно-центристском обществе в России. Индивидуализм представляет собой особый стиль жизни, структуру которого составляют стиль мышления и стиль повседневной жизнедеятельности. Индикаторами индивидуализма выступают личностная интенция «быть иным», свобода, а также опора на собственные силы. Общими основаниями для российского и западного типов индивидуализма выступают интенция «быть иным» и опора на себя и собственные силы. В свою очередь, стиль мышления, стиль повседневной жизнедеятельности, а также своеобразное понимание свободы определяют особенности и специфические черты российского и западного типов индивидуализма.

Особенностями западного типа индивидуализма выступают аналитический стиль мышления, целерациональный стиль повседневной жизнедеятельности, понимание свободы как ответственного индивидуального выбора и «свободы для...». Специфические особенности западного индивидуализма позволяют выделить в его рамках активистский, эгоцентристский и дауншифтерский виды. Российский тип индивидуализма, в отличие от западного, характеризуется синкретическим стилем мышления, ценностно-рациональным стилем повседневной

жизнедеятельности и пониманием свободы как «свободы от...». Специфические особенности российского индивидуализма позволяют выделить в его рамках диссидентский, пустынный и интеллигентский виды.

В современном российском обществе можно выделить различные модальные модели социального поведения, характерные для западного и российского типов индивидуализма. Всплеск ценностей западного индивидуализма наблюдался в российском обществе в середине 1990-х гг. Затем в рамках консервативной волны, захлестнувшей российское общество на рубеже веков, интерес к западным ценностям и либеральной модели индивидуалистического поведения стал падать.

В результате в российском обществе доминирующими стали либерально-государственническая и государственно-либеральная модели социального поведения, в которых, соответственно, реализация ценностей индивидуализма связывается с сильной российской государственностью, а этатистско-патерналистские ценности российского консерватизма уживаются с некоторыми ценностями российского и западного типов индивидуализма.

Литература

1. *Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A.* Normative Type of Personality and Mental Matrix of Social Behavior in Russian Society // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Vol. 9, iss. 36.
2. *Хомяков А.С.* Соч. : в 2 т. М. : Медиум, 1994. Т. 2.
3. *Мелих Ю.Б.* Философия Всеединства Карсавина и концепция единого у Плотина // *Историко-философский ежегодник*. 1997. М. : Наука, 1999. С. 169–182.
4. *Лосский Н.О.* Свобода воли // *Лосский Н.О.* Избранное. М. : Правда, 1991.
5. *Левицкий С.А.* Трагедия свободы // *Левицкий С.А.* Соч. : в 2 т. М. : Канон, 1995. Т. 1.
6. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, L., 1980.
7. *Trompenaars F.* Resolving International Conflict: Culture and Business Strategy // *London Business School*. 1996. Vol. 7 (3). P. 51–68.
8. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое изд-во, 2011.

References

1. *Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A.* Normative Type of Personality and Mental Matrix of Social Behavior in Russian Society // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Vol. 9, iss. 36.
2. *Khomiyakov A.S.* Soch. : v 2 t. M. : Medium, 1994. T. 2.
3. *Melikh Yu.B.* Filosofiya Vseedinstva Karsavina i kontseptsiya edinogo u Plotina // *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik*. 1997. M. : Nauka, 1999. P. 169-182.
4. *Losskiy N.O.* Svoboda voli // *Losskiy N.O.* Izbrannoe. M. : Pravda, 1991.
5. *Levitskiy S.A.* Tragediya svobody // *Levitskiy S.A.* Soch. : v 2 t. M. : Kanon, 1995. T. 1.
6. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, L., 1980.
7. *Trompenaars F.* Resolving International Conflict: Culture and Business Strategy // *London Business School*. 1996. Vol. 7 (3). P. 51-68.
8. *Inglkhart R., Vel'tsel' K.* Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. M. : Novoe izd-vo, 2011.

9. House R., Hanges P. Cultural influences on Leadership and Organizations. Project GLOBE // Advances in Global Leadership. 1999. Vol. 1. P. 171–233.
10. Латова Н.В., Латов Ю.В. Ментальные карты мира [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-174171.html> (дата обращения: 02.11.2016).
11. Наумов А.И., Петровская И.А. Тенденции в изменении национальной культуры России с позиций ее влияния на управление бизнесом в 1996–2006 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1176/file/4_NaumovAI_National_Culture.pdf (дата обращения: 02.11.2016).
12. Hidasi J.Y., Lukinykh V. A Comparison of Russian and Hungarian business. Budapesti Gazdasági Főiskola – Magyar Tudomány Ünnepe, 2009.
13. Ilyin I. About future Russia: Selected Articles, Voenizdat. Moscow, 1993. 368 p.
14. Дорогинин Ю.В. Стили мышления в России и на Западе (социально-философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2006. 24 с.
15. Войтенко В.П. Сущность, типы и виды индивидуализма в России и на Западе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6-1. С. 11–14.
16. Илле М.Е. К вопросу о предмете социологии // Социально-политический журнал. 1994. № 11–12. С. 101–112.
17. Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. М., 1998. С. 19–43.
18. Лубский Р.А. Государственность и модели социального поведения в современной России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 32–40.
19. Социология: словарь-справочник. М.; Краснодар: Диапазон-В, 2006. 352 с.
20. Культурология в вопросах и ответах. М.: Гардарики, 1999.
21. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3–11.
22. Лубский А.В. Методология социального исследования. М.: ИНФРА-М, 2017. 154 с.
23. Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-174171.html> (дата обращения: 02.11.2016).
9. House R., Hanges P. Cultural influences on Leadership and Organizations. Project GLOBE // Advances in Global Leadership. 1999. Vol. 1. P. 171–233.
10. Latova N.V., Latov Yu.V. Mental'nye karty mira [Elektronnyy resurs]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-174171.html> (data obrashcheniya: 02.11.2016).
11. Naumov A.I., Petrovskaya I.A. Tendentsii v izmenenii natsional'noy kul'tury Rossii s pozitsiy ee vliyaniya na upravlenie biznesom v 1996-2006 gg. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/1176/file/4_NaumovAI_National_Culture.pdf (data obrashcheniya: 02.11.2016).
12. Hidasi J.Y., Lukinykh V. A Comparison of Russian and Hungarian business. Budapesti Gazdasági Főiskola - Magyar Tudomány Ünnepe, 2009.
13. Ilyin I. About future Russia: Selected Articles, Voenizdat. Moscow, 1993. 368 p.
14. Doroginin Yu.V. Stili myshleniya v Rossii i na Zapade (sotsial'no-filosofskiy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Rostov n/D., 2006. 24 p.
15. Voytenko V.P. Sushchnost', tipy i vidy individualizma v Rossii i na Zapade // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2014. № 6-1. P. 11-14.
16. Ille M.E. K voprosu o predmete sotsiologii // Sotsial'no-politicheskiy zhurnal. 1994. № 11–12. S. 101–112.
17. Berlin I. Dve kontseptsii svobody // Sovremennyy liberalizm. M., 1998. P. 19-43.
18. Lubskiy R.A. Gosudarstvennost' i modeli sotsial'nogo povedeniya v sovremennoy Rossii // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2014. № 1. P. 32-40.
19. Sotsiologiya: slovar'-spravochnik. M.; Krasnodar: Diapazon-V, 2006. 352 p.
20. Kul'turologiya v voprosakh i otvetakh. M.: Gardariki, 1999.
21. Lubskiy A.V. Mezhdistsiplinarnye nauchnye issledovaniya: kognitivnaya «moda» ili sotsial'nyy «vyzov» // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 10. P. 3-11.
22. Lubskiy A.V. Metodologiya sotsial'nogo issledovaniya. M.: INFRA-M, 2017. 154 p.
23. Rossiyskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa: vzglyad sotsiologov [Elektronnyy resurs]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-174171.html> (data obrashcheniya: 02.11.2016).

ный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/doclad_povsednevnost.html (дата обращения: 02.11.2016).

24. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. М. : Новый хронограф, 2016. Т. 2.

25. Политический взгляды россиян [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/23-09-2013/politicheskie-vzglyady-rossiyan> (дата обращения: 14.09.2015).

26. Россияне о свободе, демократии, государстве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-gosudarstve> (дата обращения: 14.09.2015).

27. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html (дата обращения: 02.11.2016).

28. Россияне о государственной собственности и промышленности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/30-11-2011/rossiyane-o-gosudarstvennoi-sobstvennosti-i-promyshlennosti> (дата обращения: 14.09.2015).

29. Российское общество и вызовы времени. Кн. первая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова; Ин-т социологии РАН. М. : Весь мир, 2015.

30. Опекаемая демократия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/25-09-2013/opekayemaya-demokratiya> (дата обращения: 14.09.2015).

31. Россияне о гордости и свободе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/21-11-2013/rossiyane-o-gordosti-i-svobode> (дата обращения: 14.09.2015).

resurs]. URL: http://www.isras.ru/doclad_povsednevnost.html (дата обращения: 02.11.2016).

24. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoy diagnostiki) : v 2 t. M. : Novyy khronograf, 2016. T. 2.

25. Politicheskiy vzglyady rossiyan [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.levada.ru/23-09-2013/politicheskie-vzglyady-rossiyan> (дата обращения: 14.09.2015).

26. Rossiyane o svobode, demokratii, gosudarstve [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.levada.ru/25-09-2013/rossiyane-o-svobode-demokratii-gosudarstve> (дата обращения: 14.09.2015).

27. Dvadsat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov) [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html (дата обращения: 02.11.2016).

28. Rossiyane o gosudarstvennoy sobstvennosti i promyshlennosti [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.levada.ru/30-11-2011/rossiyane-o-gosudarstvennoi-sobstvennosti-i-promyshlennosti> (дата обращения: 14.09.2015).

29. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. pervaya / pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova; In-t sotsiologii RAN. M. : Ves' mir, 2015.

30. Opekayemaya demokratiya [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.levada.ru/25-09-2013/opekayemaya-demokratiya> (дата обращения: 14.09.2015).

31. Rossiyane o gordosti i svobode [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.levada.ru/21-11-2013/rossiyane-o-gordosti-i-svobode> (дата обращения: 14.09.2015).

Поступила в редакцию

5 апреля 2017 г.